

Белла КЕРДМАН

ДОКТОР
ПУШКИН-САН

Наш Пушкин проживает в Иерусалиме. Не сказать, что он здесь "наше все", как Александр Сергеевич там, откуда все мы, в том числе и он, изошли. Однако он тоже пишет стихи и прозу. Правда, на японском языке. Судя по переводам на русский, которые делает сам, пишет вполне профессионально. Хотя у него совсем другая профессия - он врач. Гинеколог по давнейшей московской специализации, а здесь просто доктор "за все". Семейный доктор Пушкин. Человек в кипе, соблюдающий еврейские традиции.

Когда Илья Пушкин неожиданно появился в моей электронной почте, я заинтересовалась: не псевдоним ли такой дерзкий он себе взял? Нет, это фамилия его прадеда из многодетной еврейской семьи, корни из Прибалтики, а кто был до прадеда, и как его звали, ему выяснить не удалось... Между прочим, посетители его сайта в интернете, случается, попрекают Илью в "амбициозном псевдониме". И такой был курьезный случай: некая издательница (не уверена, что женский род здесь уместен), отказываясь принять у него рукопись, посетовала на трудное время, заметив, что сейчас она решилась бы напечатать разве что стихи Пушкина; и услышала спокойный ответ: "А я и есть Пушкин"... Это он рассказал мне при встрече.

Какие-то мои газетные публикации привлекли его внимание, побудили разыскать автора: ему очень нужно было поговорить. Просто поговорить (кстати, в моей долгой газетной практике это не первый подобный случай). И в один из декабрьских дней передо мной явился Илья Пушкин. Похожий на увеличенного ребенка - есть такие большеглазые, светлой масти еврейские дети. Так я увидела этого седого уже, почти 60-летнего человека. Он привез мне три сборника своих стихов, книжку рассказов и кассету с фильмом. А также клин французского сыра и рядный гранат с иерусалимского рынка. И еще занятный сувенир: японочку, качающую головой за счет энергии света - хоть дневного, хоть электрического. А я, к своему огорчению, не смогла покормить гостя обедом, хотя был полдень: ведь у меня некошерный дом, Пушкин согласился только на чай.

Поговорили вживе. Затем продолжили общение в интернете и по телефону. Мне интересно было узнать, с чего это вдруг человек, как говорится, на

равном месте, вдруг "заболел" Японией. Откуда у парня японская грусть? Вот же, в Японию он стал ездить лет пять назад, когда уже владел более-менее прилично японским языком и выпустил две-три книги (на свои, кстати, средства). Правда, теперь, проторив путь, бывает там ежегодно.

Несколько слов о книжках нашего Пушкина. Они профессионально изданы, их приятно взять в руки. Двухязычны. Причем, русский и японский тексты помещены на одной странице, так что иероглифы служат еще и эстетическим дополнением, как бы иллюстрацией к привычному нашему глазу графике кириллицы. Есть у автора и созвучный ему художник: тонкие, согласные с текстами рисунки Маши Ткаченко, (которую он нашел аж в Харькове!), как бы усиливают "японскость" книг Ильи Пушкина.

Разговор о поэте невозможен без его стихов. Чтобы дать читателю представление о том, как пишет наш Пушкин, надо это показать. Вот, раскрыв наугад подаренную мне книгу "Стихи гайдзины с другой звезды" ("гайдзин" - иностранец, чужой), предлагаю:

*Что делают
после смерти в раю
гайдзины,
не выучившие японский?
Наверное, учат японский
с красивыми
японскими учительницами.
Но мне не хватит вечности
ни на то, чтобы
выучить японский,
ни на то, чтобы
налюбоваться вволю
японскими красавицами.*

Просматривая электронную переписку с И.П. и свои заметки в блокноте, попытаюсь собрать "пазлы" вопросов-ответов, в более-менее стройный диалог. Рассказать о нашем, и в то же время каком-то незнакомом, человеке по имени Пушкин. Начать с того, как и почему его занесло в Японию?

И.П. Лет десять назад у меня появилась потребность выражать свои мысли и чувства именно на японском языке. Почему? Потому, что мои стихи были обращены к японкам (к мифиче-

ской "прекрасной японке"). Поскольку этот язык я знал плохо, отлавливал в Иерусалиме зазевавшихся японцев, и они исправляли ошибки и подсказывали мне более естественные и понятные для их соплеменников выражения. Мои стихи на японском - это стихи иностранца, человека с абсолютно неазиатской ментальностью. Этим, по-моему, они и интересны японцам: новый, неожиданный взгляд на их реалии, новые метафоры и ассоциации.

Моей первой учительницей японского языка была молодая русская женщина из Сибири, которая работала в Японии "хостес" - девушкой, развлекающей мужчин в баре. И там вышла замуж за израильянина, приехала с ним в Иерусалим...

Б.К. Возможно, ваших японских читателей просто забавляют псевдоазиатские притязания русского еврея?

И.П. Белла, мои притязания не "псевдоазиатские", они не японские вообще! Да, мои тексты написаны по-японски и для японцев, но я на каждой странице ясно даю понять, что я - не японец и не собираюсь им подражать или выдавать себя за японца. А притязания действительно есть: я (скромненько так) надеюсь, что мои тексты японцам понадобятся, когда они в них разберутся.

Б.К. Как это "не японские вообще"? И размер, и ритмика стиха - еще какие японские! Для меня, по крайней мере. Кстати, года два назад я переписывалась с одним русским человеком - писателем, жившим некогда в Одессе, а сейчас проживающим с женой-еврейкой в Америке. В одном из писем он прислал мне японское, как он считал (и я с ним согласилась), стихотворение: "Как-то, в аэропорту Лос-Анджелеса, слетело на меня сверху полноценное хокку, пять-семь-пять:

*Когда я умру,
Урони хоть слезинку -
В рай будет пропуск.*

Любопытно, что вы на это скажете, Илья?

И.П. Скажу, что стихотворение мне нравится. Но, хотя это стихотворение очень японское по форме, японец не сможет так

написать, он так не мыслит и не чувствует. У него иная система образов, а с абстрактным мышлением вообще швах. Я, поверьте, чувствую, когда что-то не японское: например, сразу пойму, если икебана составлена не японкой...

Б.К. Японки ваших текстов мало различимы меж собой, как будто при разных именах одна и та же женщина. Разумеется, красивая и нежная. Послушная и ровная в настроениях. Японская жена - мечта многих мужчин, как мы знаем из художественной литературы. Но это ведь другой мир. Или для вас - не так? (На этот вопрос можете не отвечать, если не хотите.)

Байка в тему. Однажды мы с коллегой отдыхали в Алуште. И там к нам за стол посадили узкоглазого молодого человека - корейца. Он спросил, не сестры ли мы - мол, очень похожи. На самом деле абсолютно никакого не было меж нами сходства. И мы сообразили, в чем дело: namto с первого взгляда восточные люди тоже на одно лицо...

И.П. Так же, как моя Япония не имеет ничего общего с настоящей Японией, так и японки из моих рассказов абсолютно не похожи на настоящих японок. И, поверьте, реальная японка очень далека от имиджа, созданного мировой (неяпонской) литературой. Кстати, когда я еду в Японию, я еду именно в мою Японию (искать мою японку). Я ищу ее также на улицах Иерусалима, в интернете, но встречаю разве что во сне... Пытаюсь строить отношения с реальными японками: переписываюсь, разговариваю по телефону, встречаюсь... Мне кажется, что еще немного, и я Ее встречу, японку моей мечты, девушку из моего сна...

*Сон уже ушел,
а ты осталась со мной.
Девушка, пришедшая из сна,
забыла в сон вернуться.*

Б.К. Наверное, вам давно уже пора жениться на японке. Это что, невозможно?

И.П. В моей жизни уже была японская жена... Но я не хотел бы говорить об этом.

Б.К. Ладно, не будем. Несколько странным мне кажется, что ваши прозаические тексты - это детективы. Иные - пародийно детективны. Неожиданно для человека, увлеченного поэзией...

И такой еще вопрос: вы пишете стихи и прочие тексты изначально на японском языке? - я так поняла из вашего предисловия к одной из книжек. Всегда?

Или бывает, что и на русском, а затем себя переводите?

И.П. Вы абсолютно правы: мои рассказы - сентиментальные сказки, иногда написанные в жанре пародийного боевика (детектива). Этот жанр я нашел интуитивно: ведь сюжет должен захватывать, а добиться этого по-другому у меня пока не получалось (без детективной закрутки). В настоящее время я работаю над новой книгой рассказов: "То, без чего я не могу прожить", в ней нет ни одного детектива. Однако она тоже сентиментальна.

Что до языка оригинала, бывает по-разному. Все рассказы, собранные в книгу "Давай об этом никому не скажем", первоначально написаны на русском и на английском, а потом переведены на японский язык. Сейчас я пишу рассказы только на японском, а затем правлю их с японскими редакторами. Стихи пишу (и писал) только на японском, но первоначальная идея стихотворения может возникнуть и на русском языке. Все мои произведения рассчитаны на японцев, так что некоторые из них на русском совершенно не интересны, и я их не перевожу.

Б.К. Когда и в каком составе вы сюда приехали? Кто был инициатором исхода? Именно в Израиль?

И.П. Я приехал в Израиль в 1985 году с беременной женой и годовалым ребенком. К сожалению, через пять лет после приезда мы развелись. Мы с женой еще до свадьбы были религиозными евреями, и варианты эмиграции помимо Израиля не рассматривались. Для нас было очевидно, что жить и растить детей нужно в Израиле.

Б.К. Значит, у вас есть взрослые уже дети. Надеюсь, вы с ними общаетесь. Не сомневаюсь, что помогаете. А как они воспринимают ваши японские пристрастия? Им это интересно? Кстати, они живут в Израиле?

И.П. У меня в Израиле трое детей (девочка и два парня), они уже взрослые, у нас отличные отношения. Конечно, я им помогала и помогаю. Мальчики отслужили в армии, сейчас работают и учатся. Девочка учится в Иерусалимском университете. Мои дети любят мои стихи и рассказы (они переведены на иврит) и гордятся мной. Но мое увлечение Японией их шокирует.

Б.К. А медицина вам совсем никак? Это была ошибка, и работа вас всю жизнь тяготит?

И.П. Ну, что вы! Работа врача полностью соответствует моему характеру: я остро чувствую чужую боль и стараюсь помочь па-

Илья Пушкин на книжной ярмарке в Токио

циенту, чем только можно. Получаю от этого удовлетворение. Я ведь люблю евреев, чувствую родственную связь с ними, нередко воспринимаю евреев как своих родственников. Моя мама работала акушером-гинекологом и была прекрасным специалистом, из-за нее я и пошел в медицину. Окончил Первый медин в Москве, куда попал, надо сказать, по большому благу (евреев не брали). Был на потоке единственным "официальным" евреем. Там были еще наши соплеменники, но они умело конспирировались, а зарегистрированным в деканате евреем был я один.

Приехав в Израиль, я почти сразу пошел в армию, на срочную службу - военным врачом. И до недавнего времени "делал милуим" - служил врачом-резервистом ежегодно в течение месяца.

Б.К. Почему вы не остались гинекологом, а решили стать терапевтом?

И.П. Еще в Москве я присоединился к движению ХАБАД и, когда приехал в Израиль, имел вполне "харедимный" облик. Проходя практику в больнице "Шаарей цедек", я как-то зашел в гинекологическую смотровую осмотреть больную. Женщина, увидев меня с черной кипой и пейсами, спросила: "Рабби, и вы здесь? А что вы здесь делаете?" Ну, а потом я получил личное письмо от Любавичского ребе, он считал, что мне следует переqualificироваться. Известный цадик рабби Фотерфас из Кфар-ХАБАДа сказал мне: "Работай врачом общего профиля, ведь Всевышний тоже врач общего профиля..."

Б.К. Из вашего предисловия к посвященному маме сборнику я понимаю, что это она сподобила

телях? И о предках, что знаете. Возможно, у вас есть старые семейные фотографии - это всегда интересно. Вот, на одном из снимков, что вы мне прислали, при ханукальных свечах, виден на стене общий портрет - там кто?

И.П. На фотографии "при ханукальных свечах" - молодая мама со своими родителями, самые дорогие для меня люди, светлая им память. Я молюсь за их души, и они мне помогают. Мама очень любила поэзию, музыку и живопись. Для нее японская культура была в каком-то смысле идеалом утонченности, а японки - эталоном женской красоты. В этом смысле, я влюбился в Японию с маминого благословения.

Мой отец, Вениамин Ноевич Пушкин, был профессором психологии в МГУ, его именем названа лаборатория. Он рано ушел из семьи, и мама растила нас одна. А потом появился отчим, прекрасный человек. Мой дед (он на той же фотографии, "при свечах") был, как теперь бы сказали, еврейским националистом, прекрасно знал идиш. Он служил профессором экономики сельского хозяйства в одном из вузов России. Бабушка преподавала в школе русский и немецкий языки...

В память о дедушке я сделал сейчас перевод песни "Зог ништ кейн мол..." ("Никогда не говори...") на японский. Это стихотворение на идише написал в гетто Вильнюса поэт Гирш Глик, его стали петь на мотив известной песни Дмитрия Покрасса "То не тучи - грозные облака". И эта песня стала гимном еврейского партизанского движения.

Б.К. Тут я должна сказать - не для вас, Илья, а для читателей, что, пока шла наша переписка

языке. Затем составили на фоне этой песни видеомонтаж о евреях-партизанах. И поместили видео в интернет, в том числе на свой японский сайт. Мне понравилось звучание старой, с детства знакомой песни Покрасса в японо-идишском варианте, где не только иные слова, но и темп исполнения иной, замедленный. Любопытно, как воспримут японцы "боевую песню евреев". Надеюсь, расскажете, когда проявится их реакция в интернете.

И.П. Это был не первый мой кино-проект. Полгода назад я снял короткометражный малобюджетный фильм по своему рассказу "Из Японии с любовью", а после этого - трейлер "Мои стихи не все понимают" (тоже по своему рассказу). В этих фильмах я сам себе сценарист, продюсер и режиссер. Мне мои рассказы кажутся кинематографичными, хочется их экранизировать...

Б.К. Из интернета я знаю, что Илья Пушкин - участник международных книжных ярмарок, Иерусалимской и в Токио. Расскажите, как торговалось автору его товаром? Собираетесь ли выйти на следующие ярмарки, с чем?

И.П. Что до японской ярмарки, я поздно сориентировался, у меня там оказалось всего полтора дня. Однако интерес (скорее, любопытство) привлек к моему прилавку немало посетителей. Продавать книги я не имел права, я их дарил. И гордился тем, что был единственным израильским автором на выставке (вокруг были мусульманские "духаны"). А в Иерусалиме у меня уже были покупатели. Удалось даже возместить расходы на издание книжек и аренду стенда.

В настоящее время готовлюсь к Иерусалимской книжной ярмарке, которая состоится в феврале. Как я вам писал, работаю над книгой рассказов "То, без чего я не могу прожить". А также над книгой стихов: "Волшебного колокольчика зов". Надеюсь, обе новые книги успею издать к Международной книжной ярмарке в Токио, что будет в июле нынешнего года. А вот вам стихотворение из моего последнего (еще не переведенного на русский) сборника "Подслушанная тайна":

Как больное животное инстинктивно тянется к лечебной траве, так и моя больная душа нашла Японию.